

Николай Саввич Дорошко

Республика Узбекистан на геополитической карте мира

Wschodnioznawstwo 7, 235-244

2013

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

Николай Саввич Дорошко

Республика Узбекистан на геополитической карте мира

Постановка проблемы. Радикальные изменения политического и экономического характера, которые сопровождали распад СССР, вынудили Республику Узбекистан искать свою модель независимого развития и определять приоритетные внешнеполитические ориентиры. Перед Узбекистаном, как новым независимым государством, возникла проблема идентификации страны на международной арене и задача выработки внешнеполитической доктрины, адекватно учитывающей геополитические особенности и полиэтничную специфику государства. Второй по размеру территории, но первый по численности населения и уровню промышленного развития, Узбекистан, еще в советское время играл роль неформального лидера среди бывших союзных республик Центральной Азии. После распада СССР официальный Ташкент стремится стать реальным лидером в регионе. В немалой степени этому способствует и срединное географическое положение страны в центральноазиатском регионе (Узбекистан граничит со всеми бывшими советскими республиками Средней Азии).

Анализ исследований и публикаций. Отдельные аспекты темы формирования и реализации основных принципов внешней политики Республики Узбекистан исследуются украинскими¹ и зарубежными² учеными,

¹ В. Гусаков, *Сучасна середньоазіатська політична доктрина (на прикладі Узбекистану)*, „Людина і політика” 2001, № 4, s. 32-37; Б. О. Парахонський, Ю. В. Павленко, А. З. Гончарук та ін., *Центральна Азія: геостратегічний аналіз та перспективні можливості для України. Монографія*, Б. О. Парахонського (ред.), Київ 2001, ss. 148; О. Маначинський, *Наростання напруженості у „вакуумі сили”. Центральноазіатський регіон: стан та перспективи*, „Політика і Час” 2002, № 10, s. 19-31; М. С. Дорошко, Н. В. Шпакова, *Держави пострадянського простору у світовій політиці*, Київ 2010, s. 66.

² Л. Левитин, *Узбекистан на историческом повороте*, Москва 2001, ss. 350; А. Грозин, *Постсоветская Центральная Азия: новые геополитические тенденции и российские интересы*, „Центральная Азия и Кавказ” 2007, № 5 (53), s. 26-32; А. Князев, *Россия возвращается в Центральную Азию*, „Центральная Азия и Кавказ” 2007, № 5 (53), s. 51-58.

узбекскими политиками³. Впрочем этим исследованиям не хватает комплексного анализа геополитических интересов, внешнеполитических приоритетов и угроз национальной безопасности в контексте реализации концепции лидерства Узбекистана в регионе Центральной Азии.

Цель статьи – определить геополитические интересы, внешнеполитические приоритеты и угрозы национальной безопасности Республики Узбекистан, проанализировать мероприятия властей страны, направленные на превращение Узбекистана на влиятельное государство в центральноазиатском регионе.

Изложение основного материала. Геополитически Узбекистан расположен в стратегическом центре полукольца, где находятся богатейшие нефть и газовые месторождения Персидского залива, бассейна Каспийского моря и Таримского бассейна. Также Узбекистан является частью региона, где пересекаются интересы России, Китая, Индии, стран Запада. Также территория Узбекистана является объектом интересов таких крупных государств исламского мира, как Турция, Пакистан, Иран и Саудовская Аравия. Кроме того, Узбекистан – прифронтовое государство (речь идет о недавних войнах в Афганистане и Таджикистане). То обстоятельство, что в Таджикистане, Казахстане, Кыргызстане и Туркменистане проживает более 2,5 миллионов узбеков, является дополнительным фактором влияния официального Ташкента на своих соседей и позволило президенту Узбекистана И. Каримову выразить идею строительства единого общего дома – Туркестана – при гегемонии в нем Узбекистана по счет слабых соседей, прежде всего таких, как Афганистан, Кыргызстан и Таджикистан.

Впрочем существует ряд гипотетических угроз и собственно для Узбекистана. Потенциально опасной угрозой для узбекской государственности является ускорение процесса политизации ислама, что отрицательно влияет на общественно-политическую ситуацию на большой территории – от Нагорного Бадахшана до Каспия и создает своеобразную „огненную дугу” от Чечни в Российской Федерации (через Азербайджан, Пакистан, Узбекистан, Кыргызстан и Казахстан) до китайской провинции Синьцзян.

Кроме того, в наследство от СССР, Узбекистан получил комплекс территориальных, межнациональных и внутренних проблем. Известно, например, что на территории Кыргызстана расположены два узбекских района-анклава, а внутри Узбекистана – киргизский анклав, существование которых является свидетельством сохранения конфликтного потенциала во взаимоотношениях двух бывших советских республик. Целый

³ И. А. Каримов, *Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса*, Ташкент 1997, ss. 318; *idem*, *Узбекский народ никогда и ни от кого не будет зависеть*, Ташкент 2005, ss. 128.

ряд проблем, вроде крупномасштабной коррупции государственного аппарата или экологических (таких как исчезновение Аральского моря, эрозия почвы, их засоление, истощение земли, как следствие гегемонии хлопчатника), также угрожают национальной безопасности Узбекистана.

Во внешней политике Узбекистан длительное время ориентировался на поддержку США и НАТО, стремясь превратиться в признанного всеми регионального лидера, главный щит от угрозы исламского фундаментализма. Достижению этой стратегической цели должно способствовать и провозглашения главным историко-культурным символом узбекской нации основателя одной из крупнейших империй эпохи позднего Средневековья Амира Тимура (Тамерлана), который в свое время консолидировал Азию, остановил экспансию кочевых племен с юга и прокладывал путь к Индийскому океану.

Для реализации стремления Узбекистана к политической, экономической и военной гегемонии в Центральной Азии, его неизменным лидером президентом Исламом Каримовым разработана новая имперская модель, в основе которой – идея объединения тюркоязычных государств региона под эгидой Ташкента в единое государство. Ключевой региональной идеей президента И. Каримова стал лозунг „Туркестан – наш общий дом”. Свое стремление к председательству в нем И. Каримов объясняет тем, что Узбекистан, в отличие от своих соседей по Туркестанскому дому, имеет „большую историю и большое духовное наследие”, а также „великую культуру”⁴.

Ради воплощения концепции регионального лидерства И. Каримов проявляет значительную политическую активность – страна неоднократно становилась инициатором всевозможных совещаний по безопасности и сотрудничеству в Центральной Азии, тюркоязычных культурно-исторических конференций и т.п. В 1995 г. Узбекистан добился открытия в Самарканде международного Института центральноазиатских исследований под эгидой ЮНЕСКО.

Все настойчивее президент Узбекистана стремится превратить культурно-историческое наследие в важный ресурс внешней политики своей страны, причем все чаще его экскурсы в историю напоминают ее узурпацию. Так, например в одной из своих речей он отметил: „Древние царства Согда, Хорезма, Бактрии, Кушан, Парфии, Эфталитов – вот золотая колыбель нашей земли, давшей миру имена гениальных мыслителей, ученых, художников, зодчих”, а дальше называет имена Авиценны, аль-Бируни, аль-Хорезми и других выдающихся деятелей общего культурного наследия региона⁵. И это несмотря на то, что бывший глава Туркменистана С. Ниязов,

⁴ И. А. Каримов, *Узбекистан на пороге...*, с. 9.

⁵ В. Гусаков, *op.cit.*, с. 34.

например, относил Парфянское Царство к культурно-историческому наследию туркмен, а иранские официальные источники рассматривают и Парфию, и Древний Хорезм как персидское наследство.

Конечно, идея возрождения „Великого Туркестана” в его древних границах не является новой, однако Узбекистан сейчас предлагает ее не в исламистском, а в светском варианте, следуя примеру Турции. Последний фактор значительно сужает базу поддержки узбекского лидера в этом вполне исламском регионе. А еще модель „Большого Туркестана” И. Каримова внутренне противоречива и может достаточно легко трансформироваться из светской в исламистскую, выйдя из-под контроля узбекского лидера, потому что он, апеллируя к духовно-историческому наследию Тимура, предлагает идеи, непременно содержащие в себе исламскую составляющую. Кстати, и сам образ Амира Тимура, кроме объединяющего политического потенциала, несет в себе ярко выраженные черты сакрального лидера исламского государства – „властителя правоверных”.

Вместе с тем, узбекский правящий режим понимает неприемлемость в светском Узбекистане рост исламистского влияния в политической жизни страны. Бывший спикер парламента Узбекистана А. Халилов в свое время заявил, что разрешение деятельности в Узбекистане партий религиозного направления приведет к исчезновению цивилизации Центральной Азии. Ведь в стране, несмотря на репрессии властей в отношении оппозиции, продолжает функционировать активное исламистское крыло, а распущенные в 1990-е гг. такие исламские организации, как Исламская партия возрождения Узбекистана, Адолат (Справедливость) не только смогли наладить агитацию и организационную работу, но и с конца 1990-х гг. проводят боевую подготовку молодежи в Ферганской долине.

Особенно усложняет ситуацию то, что исламское движение в Узбекистане и в целом в Центральной Азии, постоянно получает положительные импульсы из-за границы. Непосредственно по ту сторону узбекско-афганской границы в 1990-е гг. шла война, в которой фундаменталистское движение „Талибан”, поддерживаемое Пакистаном, США, Саудовской Аравией, Объединенными Арабскими Эмиратами и Великобританией, одержало временную победу. При тех обстоятельствах Узбекистан почти от начала афганского противостояния поддерживал вместе с Россией, Ираном и Индией антиталибскую коалицию, значительную часть которой, кстати, составляли афганские узбеки.

Во взаимоотношениях с государствами Ближнего и Среднего Востока Узбекистан заявляет о своей готовности тесного сотрудничества со всеми странами региона, однако приоритетными для него остаются отношения с Турцией и Египтом, странами, отвергающими любые проявления экстремизма и фанатизма в исламе. С Ираном, Саудовской Аравией, Пакистаном

подписаны соглашения об экономическом сотрудничестве, от них поступают кредиты, однако отношение к этим странам весьма прохладное. Такими же являются взаимоотношения Узбекистана с соседним Таджикистаном. Это объясняется тем, что в случае победы в Таджикистане „фундаменталистских сил” значительно возрастет степень радикализации различных исламских группировок в Ферганской долине, а также неизбежно встанет вопрос о возвращении Таджикистана Бухары и Самарканда, которые таджики считают (и небезосновательно) своей исторической родиной.

Не исключается в недалеком будущем и обострение отношений официального Ташкента с Афганистаном, ведь шесть провинций Афганистана, расположенных на границе с Узбекистаном, населены преимущественно узбеками. На протяжении последних двух десятилетий там возникли и окрепли собственные узбекские управленческие структуры. Не исключено, что при определенных обстоятельствах здесь может быть провозглашена узбекская автономия. В этом случае проблема „двух Узбекистанов”, их объединения, неизбежно встанет на повестке дня, что может сопровождаться серьезными региональными коллизиями.

Активное сотрудничество Узбекистана с Турцией стало возможным благодаря концепции тюркского единства, ее активно пропагандировал в своей внешнеполитической деятельности бывший турецкий президент Сулейман Демирель. Она, эта активность, сказалась и на развитии взаимовыгодного экономического сотрудничества двух стран. В Узбекистане, в первой половине 1990-х гг., с почти двух тысяч зарегистрированных совместных предприятий, около двухсот были турецкими. Турецкий капитал отдает предпочтение таким секторам узбекской экономики, как сфера услуг, текстильная, пищевая, строительная промышленность, то есть тем, которые не требуют больших капиталовложений.

Деятельность турецкого капитала в хлопчатоперерабатывающих отраслях органично вписывается в разработанную руководством Узбекистана программу глубокой диверсификации структуры экспорта, которая предусматривает, в частности, переход от вывоза сырья к экспорту готовой продукции. Так, при участии турецкой корпорации „Язекс” осуществляется проект создания в Узбекистане сети промышленных комплексов, обеспечивающих весь цикл переработки хлопка – от сырца до готовых изделий. Все еще отвергнута Европой и не ставшая своей в мусульманском мире, Турция всерьез рассматривает центральноазиатский вариант как лучший для реализации собственных политических амбиций и экономических интересов, и во многом связывает с ним свое будущее. Однако, следует заметить, что в Центральной Азии есть достаточно влиятельные политические силы, которые стремятся нейтрализовать влияние Анкары на события в регионе. В первую очередь это Россия, которая стремится усилить

интеграционные процессы на постсоветском пространстве. Сегодня Москва вряд ли повторит ошибку М. Горбачева, который вывел войска из Афганистана для обеспечения покоя Советского государства и так же оставит Центральную Азию для сохранения стабильности в России. Ведь окончательная потеря контроля над бывшими удаленными провинциями, отнюдь не консолидирует новый вариант Российской империи.

Другой силой, крайне встревоженной ростом влияния Анкары на политику центральноазиатских государств, является Китай. Это связано с тем, что провозглашенное Турцией тюркское сотрудничество охватывает не только регион Центральной Азии, но и в целом весь центральноазиатский макрорегион – исторический Туркестан, где почти везде живут родственные тюркские народы и восточной частью которого – Синьцзян-Уйгурским автономным районом КНР – обладает Китай.

Исходя из этого, логичным представляется реализованная в 2001 г. совместная российско-китайская инициатива о создании на базе „Шанхайской пятерки” (РФ, КНР, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан) субрегиональной международной организации - Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) с включением в ее состав Узбекистана. О создании ШОС лидеры шести государств-участников объявили на саммите в Шанхае 14-15 VI 2001 г. Одной из ключевых задач ШОС является выработка механизма координации внешнеполитической деятельности стран-членов организации не только в Центральной Азии, но и на международной арене. Таким образом, создание ШОС стало ответом на попытки турецкого руководства реализовать концепцию так называемого „Большого Турана” и увеличить турецкое присутствие в регионе, сопровождавшееся ростом сепаратистского движения в Синьцзяне.

При всей значимости взаимоотношений Узбекистана со странами региона, определяющей чертой внешней политики государства, по крайней мере до трагических событий в Андижане в мае 2005 г., было довольно успешное балансирование официального Ташкента между США и Россией. И. Каримов, который длительное время удачно поддерживал имидж сильного, независимого руководителя, прагматичного и дальновидного политика, первым среди лидеров центральноазиатских государств решительно отказался от ориентации на Россию, переориентировавшись в торгово-инвестиционной политике на западные государства (главным образом на США) и на азиатских лидеров – Южную Корею и Японию.

Антироссийская направленность политического курса И. Каримова особенно отчетливо проявилась весной 1996 г. в реакции на подписание договоров об углублении интеграции между Беларусью, Россией, Казахстаном и Кыргызстаном. Тогда президент Узбекистана категорически заявил, что „народ Узбекистана никогда не позволит сковать себя цепями рабства

и снова вернуться к старому режиму»⁶. Тем самым, И. Каримов фактически отождествил официальный внешнеполитический курс России на развитие и углубление интеграции в рамках СНГ с возвращением к „старому режиму”⁷. В ответ на это, в 1999 г. Узбекистан вышел из Договора о коллективной безопасности, подписанного 1992 г. в Ташкенте лидерами России, Беларуси, Казахстана, Таджикистана, Кыргызстана и Узбекистана, чтобы присоединиться к ГУАМ.

Дистанцирование от России означало сближение Узбекистана с США и странами Запада. В 1996 г. официальному Ташкенту удалось получить заем в МВФ, что стало своеобразной основой для международного признания и долгожданного приглашения президента страны в Вашингтон. В американской столице был достигнут определенный прогресс на пути американо-узбекского сближения и взаимопонимания, свидетельством чего стали слова вице-президента США А. Гора, который заявил, что „США понимают стратегическое значение Узбекистана, который занимает центральное место в регионе с точки зрения наших интересов. Исходя из того, что здесь происходит, будущее Центральной Азии, наши перспективы мы связываем с Узбекистаном и намереваемся на него опираться”⁸.

Надеясь на американскую поддержку, президент Узбекистана вынужден был пойти на некоторые уступки оппозиции. Когда 16 VI 1997 г. Комиссия США по безопасности и сотрудничеству в Европе выразила протест по поводу фактов запугивания, заключения и отправки в ссылку представителей различных религиозных групп в Узбекистане, И. Каримов позволил некоторым из высланных оппозиционеров вернуться на родину.

Особенно тесными американо-узбекские отношения стали после трагических событий 11 IX 2001 г. в США. Тогда, как известно, официальный Вашингтон пообещал Узбекистану значительную финансовую помощь и инвестиции в промышленность и сельское хозяйство при условии предоставления Узбекистаном своей территории для нанесения совместных с США ударов по базам террористов в Афганистане. При этом Америка сознательно закрывала глаза на существование в Узбекистане авторитарного политического режима. В марте 2002 г. во время визита президента И. Каримова в США стороны подписали Декларацию о стратегическом партнерстве и основах сотрудничества между Узбекистаном и Соединенными Штатами Америки. Кроме того, была отменена так называемая поправка Джексона-Вэника в торгово-экономических отношениях, которая применялась Соединенными Штатами в большинстве постсоветских государств.

⁶ И. А. Каримов, *По пути созидания*, Т. 3, Ташкент 1996, s. 117.

⁷ *Idem*, *По пути созидания*, Т. 4, Ташкент 1996, s. 295.

⁸ *Ibidem*, s. 4.

Это стало свидетельством признания Соединенными Штатами Америки Узбекистана страной с рыночной экономикой.

Также трагические события 11 IX 2001 г. помогли Узбекистану укрепить свои позиции в центральноазиатском регионе, о чем свидетельствует преобразование Центрально-Азиатского экономического сообщества в организацию Центрально-Азиатское сотрудничество (ЦАС) в декабре 2001 г. в Ташкенте на встрече глав государств Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана, инициированной И. Каримовым (ЦАС - второе после ГУ(У)АМ формирования в СНГ, в котором не участвует Россия).

Впрочем кровавые события, которые произошли в мае 2005 г. в одном из крупнейших узбекских городов Андижане, затормозили процесс превращения Узбекистана на лидера центральноазиатского региона. По официальной версии властей в Андижане погибло 187 человек, большинство из которых власти Узбекистана назвали „террористическими элементами“, которые организовали побег из тюрьмы и захватили местную Андижанскую администрацию вместе с заложниками. В то же время, представители правозащитных организаций и узбекская оппозиция утверждают, что во время беспорядков представители сил безопасности первыми применили силу, в результате чего пострадали по меньшей мере 700 гражданских лиц. Кроме того, по некоторым данным, правительственные войска жестоко подавили восстание не только в Андижане, но и в Пахтабаде.

ООН, НАТО, правозащитная организация Human Rights Watch, а также ряд государств, в том числе Франция, Великобритания и США неоднократно обращались к официальному Ташкенту с требованием провести международное расследование событий в Андижане, однако президент Узбекистана отклонил его и заявил, что не допустит вмешательства извне. Аналогичную позицию заняло и МИД Узбекистана. Все это поставило режим И.Каримова на грань международной изоляции. В такой ситуации внешнеполитический курс Узбекистана в очередной раз изменился. Главным стратегическим партнером страны вновь было провозглашено Россию.

Справедливости ради, следует отметить, что новое узбекско-российское сближение началось в мае 2000 г., когда избранный президентом России В.Путин предложил официальному Ташкенту стать участником Шанхайского форума. В 2005 г. официальные Москва и Ташкент сошлись на почве общей оценки событий в Андижане, как таковых, которые были якобы направлены на свержение режима И. Каримова. Так, в частности, во время встречи с президентом России В. Путиным 28 VI 2005 г. в Ново-Огарево, И. Каримов выразил уверенность, что кровавые события в Андижане готовились заранее. „У нас достаточно фактов, подтверждающих, что эта операция готовилась несколько месяцев, возможно, лет“. Каримов также заявил, что „Некоторые события в Узбекистане, наша самостоятельная политика,

отказ от ряда предложений подтолкнули реализацию этого сценария”. В целом он убежден, что события в Андижане были „операцией, подготовленной третьими странами против руководства страны”. С этим утверждением Каримова согласился и российский президент⁹.

В то же время эксперты ООН, расследовавшие события в Узбекистане, пребывая в соседнем Кыргызстане, придерживаются иного мнения. В докладе Управления Верховного комиссара ООН по правам человека, опубликованном в начале июля 2005 г., события в Андижане квалифицируются как „массовое убийство”. Чтобы избежать репрессий правящего режима, на территорию Кыргызстана перешло около 500 беженцев, большинство из которых впоследствии отбыло в Румынию, чтобы оттуда перебраться в Канаду, США, Данию, Нидерланды.

После андижанских событий, и особенно после отказа обеспечить международное расследование их последствий, серьезно ухудшились отношения Узбекистана с ЕС и США, а режим И. Каримова стал, как никогда, близок к международной изоляции. Избежать этого можно было только через возвращение Узбекистана в фарватер России, что и произошло летом 2005 г.

В целом, от Андижанской трагедии наибольшую выгоду получила Россия, которая, поддержав действующие узбекские власти, фактически возвратила Узбекистан в орбиту своего влияния. Подтверждением этому стал подписанный президентами Путиным и Каримовым союзнический договор от 14 XI 2005 г., в котором содержится положение о предоставлении, в случае иностранной агрессии, военной помощи. Также стороны обязались предоставлять друг другу военные базы и военные объекты на территории обеих стран. Во время встречи с российским президентом И. Каримов заявил, что Россия для Узбекистана „всегда была и остается опорой и центральным союзником”¹⁰.

Реакция Запада на возвращение Узбекистана в сферу российского влияния была молниеносной. Уже на следующий день, 15 XI 2005 г., Европейский Союз сроком на один год запретил въезд на свою территорию 12 видным представителям узбекских властей. Свое решение ЕС мотивировал тем, что власть Узбекистана позволила себе „неадекватное применение силы” и не позволяет провести независимое международное расследование андижанских событий. Кроме того, Европейский союз ввел экономические санкции против режима Каримова, в том числе эмбарго на продажу оружия, военного и другого оборудования с целью предотвращения внутренних репрессий.

⁹ А. Князев, *op.cit.*, s. 54.

¹⁰ А. Грозин, *op.cit.*, s. 28.

Администрация США, в ответ на репрессии узбекских властей в Андижане, заморозила выделение более 20 млн долларов помощи Узбекистану. В ответ на это официальный Ташкент заставил войска антитеррористической коалиции покинуть арендованную ими в Узбекистане авиабазу „Карши-Ханабад”. Несмотря на это, США не поддержали курс на международную изоляцию режима И. Каримова потому, что продолжают рассматривать Узбекистан как своего стратегического союзника в Центральной Азии, принимая во внимание важность этой страны в свете предстоящего вывода войск антитеррористической коалиции во главе с США из Афганистана в 2014 г.

Выводы. Анализ геополитических интересов и внешнеполитической деятельности Узбекистана позволяет сделать вывод, что приоритетными направлениями внешней политики страны стали сотрудничество с государствами постсоветского пространства, активное участие страны в работе региональных межгосударственных организаций типа ШОС и взаимодействие с США для реализации амбиций Узбекистана как регионального лидера в Центральной Азии.

Summary

Mykola Doroshko

The Republic of Uzbekistan on the geopolitical map of the world

The geopolitical interests, foreign policy priorities, challenges and threats to the national security of the Republic of Uzbekistan are determined in the article. Measures of the authority of the state that are aimed at transforming Uzbekistan to a powerful state in the Region of Central Asia are analyzed. The analysis of geopolitical interests and foreign policy activities of Uzbekistan provided a possibility to come to the conclusion that the higher-priority directions of its foreign policy are cooperation with the states of post-Soviet area, active participation of the state in the interstate international organizations, for instance the SCO, and cooperation with the USA for realization its ambitions to become a regional leader of Central Asia.

Mykola Doroshko – dr hab. nauk historycznych, zastępca dyrektora Instytutu Stosunków Międzynarodowych Narodowego Uniwersytetu Kijowskiego im. Tarasa Szewczenki, profesor w tamtejszej Katedrze Krajoznawstwa